

АКТИВНО-ТВОРЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭСХАТОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ Н.Ф. ФЕДОРОВА И Н.А. БЕРДЯЕВА

Е.Г. Якимова

Осуществляется анализ активно-творческой концепции эсхатологии в русской религиозной философии второй половины XIX – первой половины XX вв., которая наиболее ярко прослеживается в творчестве двух выдающихся философов этого периода – Н.Ф. Федорова и Н.А. Бердяева. Особый акцент делается на том, что активная творческая деятельность человека приводит не к катастрофическому завершению исторического процесса, а к преобразению мироздания и переходу его на новый уровень существования.

Ключевые слова: эсхатология, апокалипсис, история, творчество, активность, преобразование, воскрешение, Царство Божие.

В рамках русской религиозной философии второй половины XIX – первой половины XX вв. можно выделить две концепции эсхатологии: пассивно-созерцательную и активно-творческую. Пассивно-созерцательная концепция рассматривала эсхатологию как проникнутое катастрофизмом учение о неизбежной грядущей гибели мироздания, в рамках которой роль человека сводилась к простому наблюдению различных катаклизмов в конце времен. Наиболее яркими представителями этой концепции в русской религиозной философии являлись В.С. Соловьев (1853-1900) и К.Н. Леонтьев (1831-1891). Однако наряду с ней существовала активно-творческая концепция эсхатологии, которая понимала ее как учение о преобразении мира в результате активной и творческой деятельности человека. Именно человек является главным действующим лицом будущей истории мира, реализующий свое назначение в космическом масштабе. Такая активно-творческая концепция эсхатологии получила развитие в учениях целой плеяды русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв., но наиболее полное ее раскрытие можно наблюдать в творчестве Н.Ф. Федорова (1829-1903) и Н.А. Бердяева (1874-1948).

Активно-творческая концепция эсхатологии восходит к русскому философу Н.Ф. Федорову (1829-1903). По мнению отечественных исследователей И.В. Желтиковой и Д.В. Гусева, в философии Н.Ф. Федорова можно выделить три эсхатологические темы: 1) тема воскрешения умерших поколений; 2) тема преобразования человека и приобретение им нового онтологического статуса; 3) тема регуляции и преобразования природы в космическом масштабе посредством активно-творческой деятельности человека и соединения усилий всего человечества [1, с. 89]. Все эти темы связаны с установкой философа на активно-творческую реализацию эсхатологического сценария христианства.

Эсхатологический сценарий христианства, по мнению Н.Ф. Федорова, заключается в исполнении смысла и назначении истории, а не в форме гло-

бальной катастрофы и гибели существующего мира. Для христианства характерно представление о линейной направленности исторического процесса,двигающего от начала к своему концу. «Конец истории, отмечает отечественный исследователь В.И. Дружинин, не является чем-то абсолютно трагичным и фаталистическим: эсхатология дает надежду на вечное будущее в Боге, то есть «будет новая земля и новое небо». Смысл христианской философии в том, чтобы спастись тем людям, которые хотят этого, в вечности и в бесконечной перспективе бытия. Здесь нет трагичности финализма» [2, с. 111].

Своеобразие федоровской активно-творческой концепции эсхатологии заключается в интерпретации Апокалипсиса как одного из возможных сценариев будущего, который можно предотвратить посредством активной деятельности человека. На это обращает внимание современный отечественный философ А.В. Гулыга, который в своей работе «Русская идея и ее творцы» отмечает: «Апокалипсис он (Н.Ф. Федоров) рассматривал только как предостережение человечеству. Гибель мира можно и нужно предотвратить» [3, с. 175].

Н.Ф. Федорову принадлежит совершенно оригинальное истолкование апокалипсических пророчеств, которое можно назвать активным, в отличие от обыкновенного пассивно-созерцательного истолкования. Он предлагает толковать апокалиптические пророчества условно, чего еще до него никогда не делалось. Действительно, нельзя понимать конец мира, о котором пророчествует Апокалипсис, как фатум, ибо это противоречило бы идее свободы. Фатальный конец наступит как результат путей зла. Если заветы Христа не будут исполнены людьми, то неотвратимо наступит конец, описанный в Апокалипсисе. Но если христианское человечество соединится для общего дела победы над смертью и всеобщего воскресения, то оно может избежать фатального конца мира, явления Антихриста, Страшного суда и ада. Тогда человечество может непосредственно перейти в вечную жизнь. Поэтому можно сказать, что Апокалипсис является угрозой человечеству, погруженному во зло, он ставит активную задачу перед человеком, ибо пассивное ожидание страшного конца недостойно человека.

Человек, по мнению Н.Ф. Федорова, является саморазвивающимся, совершенствующимся существом, которое преодолевает свою природную ограниченность: «человек есть существо, переходящее от рожденного к самосозидающему» [4, с. 264]. Философ делает акцент на незавершенности человеческой природы, ее активно-деятельной направленности: «человек – существо по преимуществу деятельное» [5, с. 354]. Реализация активно-творческой природы человека как главное условие гармонизации мира и формирования высшей природы человека возможно только в эсхатологической перспективе, за пределами истории. В формировании высшей природы человека, по мнению Н.Ф. Федорова, большую роль играет труд: «труд есть высшая добродетель, уподобляющая нас Богу, создавшему все из ничего» [5, с. 40]. Таким образом, переход на более высокий и совершенный уровень для человечества возможен только через труд и творчество, через общее дело, а не через пассивно-

созерцательное отношение к действительности, в том числе и к восприятию апокалиптических пророчеств.

При таком рассмотрении концепция эсхатологии Н.Ф. Федорова резко отличается от воззрений В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева. Более того, ему принадлежит единственная в истории такая интерпретация эсхатологии, в рамках которой посредством объединения людей на основе христианских заповедей можно достигнуть бессмертия и воскресения и избежать фатального конца мира. В его эсхатологических построениях прослеживается мысль о том, что Страшный суд представляет собой угрозу только для несовершеннолетнего человечества. Завет христианства заключается в соединении небесного с земным, божественного с человеческим. Всеобщее воскресение в данном контексте является воскрешением, которое совершается всеми силами и способностями людей, что является исполнением завета Христа как Сына Божия и вместе с тем Христа как сына человеческого. Воскрешение, таким образом, является противоположным прогрессу, который примиряется со смертью всех поколений. Воскрешение представляет собой обращение времени, активность человека по отношению к прошлому, а не только к будущему. Общее христианское дело должно, по мнению Н.Ф. Федорова, начаться в России. Однако главная мысль Н.Ф. Федорова, которая вносит существенный вклад в развитие эсхатологических представлений в русло русской религиозной философии, заключается в том, что победа над смертью и всеобщее воскресение является не только делом Бога при пассивности человека, это есть и дело коллективной человеческой активности.

Таким образом, рассмотрение апокалиптических пророчеств не в качестве безусловного и неизбежного сценария будущего, а как предупреждение подталкивают человечество к творческой активности и подлинной реализации своей сущности – к проекту воскрешения умерших поколений. Пассивное ожидание конца времен противоречит свободе и достоинству человека. Эта идея в дальнейшем была глубоко и детально проработана в концепции активно-творческого понимания эсхатологии русского философа Н.А. Бердяева (1874-1948).

В философском наследии Н.А. Бердяева эсхатология занимает центральное место, затрагивая вопросы творчества, человека, свободы, религии. Как подчеркивает сам мыслитель, «вся философия, теория познания, этика, философия истории должны быть построены в перспективе эсхатологии...» [6, с. 418].

Для активного понимания эсхатологии и философии истории в частности следует обратиться к учению о человеке, которое занимает одно из центральных мест в творчестве данного мыслителя. Свобода человека, по мнению Н.А. Бердяева, разворачивается как историческая драма борьбы природного и духовного начал как в самом человеке, так и в его истории: «человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность. Весь мир — ничто по сравнению с человеческой

личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, откуда он пришел и куда он идет» [7]. Для обоснования такого положения вещей Н.А. Бердяев обращается к христианскому вероучению, в котором он видит метафизическое выражение истинной теогонии мира, обоснование которой он представляет в своем варианте философии христианского экзистенциализма посредством рассмотрения судьбы человека и смысла истории.

История в понимании Н.А. Бердяева представляет собой судьбу человека, путь, который ему необходимо пройти, что является следствием его выброшенности в тварный мир объективации. Человек, таким образом, является историческим существом, которое не может сбросить с себя бремя истории. Вместе с тем, человек ставит перед собой отнюдь не только благие цели и не только в них вкладывает свою творческую силу и страсть. Однако история предстает равнодушной человеку, так как преследует цели цивилизаций, государств, классов, вдохновляясь при этом идеалами силы и экспансии. История использует человека как материал для нечеловеческих целей, и в этом смысле она является преступлением. История развивается по законам античеловеческой морали: в ней господствует эгоизм, борьба классов, войны между государствами, всякого рода насилие.

Действие рока в истории вытесняет действие Бога и человеческой свободы, приводя к объективации тварного мира, насыщенного враждой и ненавистью. Несмотря на это, человек не перестает быть историческим существом, он все равно втягивается в историю, подчиняется ее року и одновременно ей сопротивляется, противопоставляя ей ценность личности, своей индивидуальной судьбы. Поэтому между человеком и историей существует глубочайший конфликт, который неразрешим в пределах земной истории. И в этом смысле история является неудачей духа, в ней не образовывается Царство Божие.

Тем не менее, по мнению Н.А. Бердяева, у истории есть сокровенный смысл. Она является путем к иному миру и подготавливает к нему человечество, так как у истории, помимо земных целей, есть метаисторический смысл, который прорывается в земную историю, просветляет и направляет ее путь. Этот смысл открывается в метаистории, в движении к Царству Божьему.

На наш взгляд, в основе данных представлений лежит идея Н.А. Бердяева о существовании разных видов времени: космического, исторического и экзистенциального. История происходит в своем историческом времени, но она не может в нем остаться: она выходит или во время космическое (и человек оказывается лишь подчиненной частью мирового природного целого), или во время экзистенциальное, означающее выход из царства объективации в духовный мир. История имеет смысл только потому, что она кончится. Можно сказать, что в этом плане философия истории Н.А. Бердяева, как и большинства русских философов, по своему

происхождению и смыслу предстает как эсхатологическое учение. Н.А. Бердяев замечает: «Без идеи исторического завершения нет восприятия истории, потому что история по существу эсхатологична, потому что она предполагает разрешающий конец, разрешающий исход, предполагает катастрофическое свершение, где начинается какой-то новый мир, новая действительность...» [8, с. 26]. Следовательно, с одной стороны, смысл истории лежит за ее пределами. Бесконечная история была бы бессмысленна, и если бы в ней обнаруживался непрерывный прогресс, то он был бы неприемлем, ибо означал бы превращение каждого живущего поколения в средство для будущих поколений. С другой стороны, конец истории знаменует собой наступление ее новой зоны, в котором историческое время сольется в общий поток экзистенциального времени: «Эон нашего мира стареет, - утверждает Н.А. Бердяев, как на презревшем плоде лопнут оболочки, отделявшие его от миров иных... Разрывается связь времен, замкнутый круг мировой действительности перестает существовать; в него сливаются энергии других ступеней действительности, история нашего мирового времени кончается и потому только и приобретает смысл» [8, с. 160].

Таким образом, история предстает как трагическая судьба человечества. Она не разрешима в пределах самой истории, тому учит ее опыт: «Все могущественные и великие царства, во имя создания которых принесены неисчислимые человеческие жертвы, обречены на гибель и погибли. Погибли все древние восточные империи, погинула империя Александра Македонского, который знал об этом в час своей смерти, погинула римская империя, погинула Византийская империя, рухнули все теократии, и мы присутствуем при гибели Российской империи. И так же погибнут все империи, которые будут созданы» [6, с. 531]. Потому неизбежен «апокалипсис», т.е. прохождение через и очищение и смерть как эсхатологический переход в иной мир (эон) Царства Божьего.

Однако, вопреки догматическому истолкованию «апокалипсиса» как «Страшного суда», Н.А. Бердяев исходит из персоналистических установок, полагая, что наступление этого суда зависит от человеческой личности и от творческого акта человека. Человеческая свобода и творчество соучаствуют в уготовлении конца мира и истории, ибо представляют собой богочеловеческий процесс. Современный мыслитель А.С. Стрельцов отмечает: «Движение истории идет по пути Богочеловечества, иначе она просто не будет иметь смысла. Осуществление истории возможно только в условиях свободы» [9, с. 323]. Навстречу второму пришествию Христа идет человек в совершаемых им делах, именно акты его свободного творчества способствуют наступлению Царства Божия. Поэтому можно сказать, что явление Христа в силе и славе подготавливаются самим человеком посредством своей творческой активности, поэтому пассивное ожидание конца мира и истории недопустимо. Человек должен уготовить второе пришествие Христа и активно двигаться ему навстречу, в противном случае, находясь в пассивном ожидании в состоянии

ужаса и подавленности катастрофического завершения истории, человечество будет способствовать наступлению Страшного суда, а не уготовления второго пришествия Христа.

Таким образом, конец мира и истории представляет собой богочеловеческий процесс, который не просто ожидается, а уготовляется самим человеком с помощью активной творческой деятельности. Существенным моментом в понимании эсхатологии Н.А. Бердяева является то, что конец нельзя рассматривать только как имманентную кару и разрушение. Конец представляет собой также задание человека, заключающееся в преображении мира. Путь к преображению не является мирной и постепенной эволюцией, он лежит через трагические катастрофы и разрушения. Чтобы совершилось преобразование мира, которое является замыслом Бога, человек должен прогрессировать и совершать творческие акты.

Заслуживает внимания тот факт, что Бог, по мнению Н.А. Бердяева, является освобождающей, просветляющей и преобразующей силой, а не карающей, разрушающей, распределяющей возмездия. Кара, возмездие и порабощение представляет собой имманентное порождение человеческой и мировой тьмы. И в этом плане можно говорить о двойственности конца. Фатум Страшного суда и гибель является путем тех, кто отпал от Бога и Христа, конец для тьмы и рабства. Божий конец не является фатумом, а представляет собой дело свободы.

Таким образом, фатально лишь зло, о чем, по мнению Н.А. Бердяева, и говорит Апокалипсис, а фатума добра не существует, оно обращено к свободе. Поэтому эсхатология ставит перед человеком задачу, обращенную к свободе. Бог как вождь и вдохновитель направляет творческие силы человека к созданию высших ценностей. Но человек в своем отношении к Богу является свободным: он может предпочесть мучения вне Бога блаженству в Боге. Однако человек может стать соучастником божественного творчества и как таковой выступить соучастником миротворения наряду с Богом. Для этого ему необходимо постоянно совершать акты эсхатологического характера, которые Н.А. Бердяев характеризует следующим образом: «Всякий подлинно моральный, подлинно духовный, подлинно творческий акт есть акт эсхатологический, он кончает этот мир и начинает иной, новый мир» [10]. Например, примером эсхатологического акта может являться предоставление пищи голодному человеку или освобождение от рабства негров, так как этими действиями заканчивается этот мир, который является миром голода и рабства. Этот пример доказывает, что любой подлинный творческий акт знаменует собой наступление конца мира, переход в царство свободы, выход из заколдованности мира. По мнению отечественной исследовательницы Н.М. Мурадовой, человек должен «выйти из имманентного круга действительности, создать в себе образ нового мира, благодаря творческому подъему как прорыв свободы через необходимость» [11, с. 71].

Что касается Царства Божия, то оно приходит неприметно: «во всяком торжестве человечности, в реальном освобождении, в подлинном творчестве близится конец этого мира, мира бесчеловечности, рабства, инерции» [10]. Это означает победу над объективацией – враждой, отчужденностью, безличностью. Мыслитель приравнивал ее к «настоящей революции духа». Однако, это не будет означать уничтожение земного и общественного бытия, а его просветление Духом, т.е. творческое преобразование мира в целом.

В конце концов, человечество может войти в новый эон существования посредством свободы, преобразования мира, в котором человек активно участвует. Н.А. Бердяев отмечает: «Земная история должна вновь войти в небесную историю, должны исчезнуть грани, отделяющие мир посясторонний от мира потустороннего, подобно тому, как не было этих граней в глубине прошлого, на заре мировой жизни» [8, с. 160]. Экзистенциальное время должно одержать победу над космическим и историческим, исчезнет противоположность между субъектом и объектом, человек достигнет внутренней свободы от этого мира. У людей пробудится «сверхсознание», в результате чего они свободно примут иную иерархию ценностей, в которой духовность займет высшее место. Наступит богочеловеческое царство, победителем которого окажется Богочеловек.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенностью эсхатологии Н.А. Бердяева является идея о том, что Бог действует в свободе человека, на свободу и через свободу. Он раскрывается во Христе и предстает, таким образом, как Освободитель, поэтому конец мира необходимо рассматривать не только как суд и кара, а как освобождение и просветление. Хотя конец мира является Страшным судом, но суд представляется как имманентное последствие путей зла, а не как внешняя кара Бога. Однако, перед проблемой конца стоит творческая свобода человека, поэтому напряженность творческой активности, по мнению Н.А. Бердяева, должна увеличиваться.

На наш взгляд, понимание эсхатологии Н.А. Бердяевым близко учению Н.Ф. Федорова, который считал, что конец мира зависит от активности человека, от его общего дела, от направленности целостного существа человека на всеобщее восстановление жизни, на окончательную победу над смертью. Н.А. Бердяев разделяет также идею Н.Ф. Федорова об условности апокалиптических пророчеств: «Апокалиптические пророчества условны, а не фатальны, и человечество, вступив на путь христианского «общего дела», может избежать разрушения мира, Страшного суда и вечного осуждения» [12, с. 289].

Еще одна особенность эсхатологии Н.А. Бердяева связана с парадоксом времени. Именно в этом заключается трудность истолкования апокалиптических пророчеств о конце мира. С одной стороны, конец мира объективируется во времени и материализуется в «этом» мире. Поэтому конец мира должен наступить в этом историческом времени, в связи с чем осуществляются многочисленные попытки вычислить дату конца мира и

приурочить ее к определенному году. С другой стороны, конец мира не может наступить в историческом времени, так как, по мнению Н.А. Бердяева, историческое время имеет перспективу дурной бесконечности. Поэтому конец мира может представлять собой конец времени этого мира, выход из него.

По мнению Н.А. Бердяева, возможна не натуралистическая, а духовная эсхатология, так как конец времени, мира, истории представляет собой переход в иное измерение сознания. Конец мира не может раскрываться в структуре сознания, которая соответствует космическому и историческому времени и созидает его. Он может раскрываться только в той структуре сознания, которая не подавлена необходимостью и массивностью этого мира, и в ином экзистенциальном времени может раскрыться в духе и духу. Человек выходит из власти этого мира, который подчинен необходимости и бесконечности времени посредством творческой активности духа и свободы, что выводит его в экзистенциальное время, в метаисторию. Однако человек может себе позволить совершение экзистенциальных актов, которые являются эсхатологическими актами, и в этом перед ним раскрывается вечность, а не дурная бесконечность. Но человек является не только духовным, но и природным и историческим существом, поэтому происходит объективация перспективы конца. Это приводит человека к предвидению апокалиптических картин разрушения мира и торжества зла, ведущих к катастрофическому завершению истории, в результате чего он остается прикованным к объективированному и материальному миру. Именно в этом состоит двойственность конца: человек видит конец мира во времени, вместо того, чтобы видеть конец времени. Во времени же конец виден лишь как разрушение, в вечности - как преображение. И в этом плане, по мнению Н.А. Бердяева, можно говорить о том, что мир имеет два конца: «войны, восстание народ на народ, царство на царство, глады, моры и землетрясения, изживание имманентных последствий зла и – преображение мира, новое небо и новая земля, второе пришествие Христа» [10].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В учении Н.А. Бердяева проблема отношения человека и истории разрешима только на почве эсхатологии, т.е. философии истории как учения о конце земной истории и ее завершении в вечности, в Царстве Божием. Однако Царство Божие не наступит само собой или милостью Божией, оно «уготовляется человеком», зависит от его творческих усилий. Но и Бог небезучастен в этом процессе, он направляет творческие силы человека к созиданию высших ценностей, концентрация которых способна прорвать жесткие законы необходимости объективированного, «падшего» мира и послужить зародышем новой зоны, или нового просветленного цикла существования вечности.

Таким образом, в творчестве Н.Ф. Федорова и Н.А. Бердяева прослеживается идея о том, что история движется к некой благой цели, от простого к сложному, от менее совершенного состояния к более совершенному, возможность «прогресса» обусловлена наличием высшей цели. «Конец близок! – пи-

шет Е.Н. Трубецкой. – Это значит, что жизнь должна идти полным ходом к цели; непрерывно должно продолжаться то восхождение, которое в процессе эволюции идет от зверочеловека к Богочеловеку» [13, с. 389]. И хотя эта цель совпадает с концом истории, это вовсе не означает гибель человечества. Конец истории – это переход человечества на качественно новую ступень бытия: «скачок» в царство Свободы, царство Духа, царство Божие.

Таким образом, для ряда других русских религиозных философов XIX–XX веков, таких, как Н.А. Бердяев, Н.Ф. Федоров и др., прослеживается идея о том, что катастрофический финал человеческой истории является одним из возможных, но не predetermined заранее и окончательно, в результате чего конец мира и истории приобретает двойственный характер: катастрофа или преображение. Человек является главным действующим лицом будущей истории мира, что позволяет сделать вывод о том, что на первый план выходит человеческая личность и ее духовные качества, такие, как свобода, творчество, любовь, добро. Роль человека в этом процессе может быть пассивной и созерцательной или активной и творческой. Такой подход свидетельствует об антропологическом повороте в эсхатологии в XX в. и последующей ее трансформации в общемировоззренческий элемент человеческого сознания.

Список литературы

1. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология: монография. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. 172 с.
2. Дружинин В.И. Понимание истории и метаистории как объекта изучения философского, религиозного и метафизико-антропологического знания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 107-118
3. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
4. Федоров Н.Ф. Полное собрание сочинений: в 4 т. М.: Издат. группа «Прогресс», 1997. Т. 3. 744 с.
5. Федоров Н.Ф. Полное собрание сочинений: в 4 т. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. Т. 2. 498 с.
6. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Дух и реальность. М.; Харьков: ООО «Издательство АСТ»; «Фолио», 2003. 679 с.
7. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи» [Сайт] URL: www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/011.html (дата обращения: 03.02.2007).
8. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
9. Стрельцов А.С. О роли познания в философии свободы Н.А. Бердяева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 316-324.

10. Бердяев Н.А. Война и эсхатология [Электронный ресурс] // Электронная Библиотека «Гумер» [Сайт] URL.: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/VoiEsh.php (дата обращения: 28.06.2007).

11. Мурадова Н.М. «Гений жизни» и «гений творчества»: изгибы судьбы Н.А. Бердяева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 67-73.

12. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 396 с.

Якимова Елена Георгиевна, канд. филос. наук, ст. преподаватель, helena183@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

*ACTIVE-CREATIVE CONCEPT OF ESCHATOLOGY
IN THE PHILOSOPHY OF N.F. FEDOROV AND N.A. BERDYAEV*

E.G. Yakimova

This article analyzes the active and creative concept of eschatology in Russian religious philosophy in the second half of the XIX - early XX centuries, which is most clearly seen in the works of two prominent philosophers of this period – N.F. Fedorov and N.A. Berdyaev. A particular emphasis is placed on the fact that active and creative human activity does not lead to a catastrophic completion of a historical process and to the transformation of the universe and its transition to a new level of existence.

Key words: eschatology, apocalypse, history, creativity, growth, transformation, resurrection, the kingdom of God.

Yakimova Elena Georgievna, PhD (Philosophy), Senior Lecturer, helena183@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.